

- Tsalko, E. O., Riabova, T. B. (2010) Russkost' i evropeiskost' skvoz' prizmu gendernykh identifikatorov [Russianness and Europeaness through the prism of gender markers], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 57—65.
- Ushakin, S. A. (2007) *Pole pola* [Field of sex], Vil'nius: Izdatel'stvo Evropeiskogo gumanitarnogo universiteta, Moscow: Variant.
- Ushakova, V. G. (2007) Gender i politika: (Na materialakh Sankt-Peterburga) [Gender and politics: Saint Petersburg case], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 13—26.
- Uspenskaia, V. I. (2012) *Feminizm do feminizma: Ideia ravnopraviiia polov v evropeiskikh intellektual'nykh diskussiiakh XV—XVIII v.* [Feminism, before feminism: Idea of gender equality in the discussions of European intellectuals in XV—XVIII c.], Tver': Tverskoï gosudarstvennyĭ universitet.
- Vinogradova, S. M. (2010) Gosudarstvo, bezopasnost', suverenitet: mezhdunarodnye otnosheniia v zerkale feminizma [State, security, sovereignty: international relations in the prism of feminism], *Politicheskaiia ekspertiza*, vol. 6, no. 4, pp. 34—37.
- Voronina, O. A. (1995) Pol/gender kak kategorii feministскоï filosofii [Sex/gender as categories of feminist philosophy], *Filosofskie issledovaniia*, no. 4, pp. 80—99.
- Voronina, O. A. (1998) *Gendernaia ekspertiza zakonodatel'stva RF o sredstvakh massovoi informatsii* [Russian Law about mass media: gender expertize], Moscow: MTSGI.
- Voronina, O. A. (2004) *Feminizm i gendernoe ravenstvo* [Feminism and gender equality], Moscow: Editorial URSS.
- Yuval-Davis, N. (1997) *Gender and Nation*, London: Sage Publications.
- Zavershinskaia, N. A. (2010) Gendernye struktury pamiaty o sovetskom v distsiplinarnom prostranstve rossiiskogo sotsiuma [Gender structure of memory in disciplinary space of Russian society], *Politicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 64—78.
- Zavershinskaia, N. A. (2013) Gendernye metafory v mediinom prostranstve v sovremennoi rossiiskoi politike [Gender metaphors in the media space of the contemporary Russian politics], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 78—84.
- Zavershinskiĭ, K. F., Zavershinskaia, N. A. (2011) Legitimat'siia gendernogo gospodstva [Legitimizing gender domination], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 73—76.
- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (1999) Sotsial'noe konstruirovaniie gendera: feminist'skaia teoriia [Social constructing gender: feminist theory], in: Khotkina, Z. A., Pushkareva, N. L., Trofimova, E. I. (eds), *Zhenshchina. Gender. Kul'tura*, Moscow: MTSGI, pp. 46—65.
- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (2002) Krizis maskulinnosti v pozdnesovetskom diskurse [Crisis of masculinity in the Late Soviet discourse], in: Ushakin, S. A. (ed.), *O muzhe(N)stvennosti*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 432—451.

Статья поступила 21.12.2015 г.

ББК 60.561.3

С. Г. Айвазова

© Айвазова С. Г., 2016

Айвазова Светлана Григорьевна — доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии РАН, член Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ, г. Москва, Россия, svetlana-ajvazova@yandex.ru (Dr. Sc., Chief Researcher, the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia).

ГЕНДЕРНЫЙ РАКУРС МАССОВОЙ ПОЛИТИКИ

Статья посвящена анализу гендерных особенностей российской массовой политики. Автор видит свою задачу в том, чтобы продемонстрировать взаимосвязь таких внешне разведенных сфер, как гендер и политика, с целью подчеркнуть эвристическую ценность гендера как значимой категории анализа массовой политики. В частности, рассматриваются вопросы о том, каковы особенности взаимодействия россиян — мужчин и женщин — с государством; какой тип политического поведения характерен для мужчин и женщин; влияет ли на их политический выбор гендерная принадлежность, и если влияет, то каким образом.

Ключевые слова: гендер, массовая политика, политика граждан, гендерные особенности политического поведения, гендерные разрывы, гендерная рассогласованность, эмпауэрмент.

S. G. Aivazova. Gender aspect of mass policy

The article presents the analysis of gender peculiarities in Russian mass policy. Its urgency is linked to mass policy as the latter to a great extent determines the run of things and state of minds in present-day world. The latest research focuses attention on essential differences in the existing forms of mass policy differentiating as 2 opposing concepts the so called “mass policy” and “citizens’ policy”. The differences appear thanks to new actors who invade the policy field and institutionally transform political process. The new developments take place thanks to a mass involvement of women into politics. They become independent subjects who consciously declare their ability to be responsible citizens. Using this approach the article considers such questions as: what are the peculiarities of Russia’s people — men and women — interaction with the state; what type mass policy is characteristic of political behavior for men and women; does gender influence their political choice; and if so, in which way.

Ultimately the author sees her aim in demonstrating the interrelation of such outwardly different spheres as gender and politics in order to underline the heuristic value of gender as a meaningful category in analyzing mass policy.

The analysis relies upon the data of sociological surveys including the survey held by the Institute of Sociology RAS, Department of Comparative Political Studies, headed by S. V. Patrushev. The survey was conducted as part of the research project “Institutional problems of mass policy”.

Key words: gender, mass policy, citizens’ policy, gender peculiarities, gender gaps, gender mismatch, empowerment.

Постановка задачи

Массовая политика в последнее десятилетие во многом определяет положение вещей и состояние умов в современном мире, а потому не может не вызывать интереса исследователей. Последние при изучении ее свойств стали фиксировать внимание на существенных различиях в формах бытования массовой политики, разводя как противоположности так называемую политику масс и политику граждан. В чем состоит противоположность этих форм? Коротко говоря, если главным агентом политики масс является толпа — безликая, го-

могенная, лишенная субъектности и подчиненная внешней политической воле, то субъект политики граждан плюралистичен и самодостаточен. Он сконструирован как набор действующих лиц — мужчин и женщин, пожилых и молодых, высоко- и не слишком образованных представителей различных этносов и рас, включенных во множественные отношения, которые, тем не менее, предопределены общими для всех их принципами прав человека и гражданина, равенства, свободы и справедливости.

Эти различия возникают во многом благодаря вторжению в поле политики новых акторов, институционально преобразующих ее, подвергая критическому переосмыслению наследие прошлого и меняя политические практики. Такое переосмысление многим обязано теоретикам, работающим как в русле нового институционализма, постмодернизма, социологии активизма, так и в русле гендерных исследований. Всех их объединяет критический подход к таким моделям политики, которые сопровождаются доминированием одних лиц и дискриминацией других. В числе прочего ими была убедительно продемонстрирована взаимосвязь таких внешне разведенных сфер, как гендер и политика, подчеркнута эвристическая ценность гендера как значимой категории анализа массовой политики.

В рамках нашей темы важно отметить, что гендер при этом концептуализируется как институт, предопределенный внешними нормативными процессами. С этой точки зрения гендер понимается как исполнение должного, предписанного извне. Вместе с тем гендер — это конкретное взаимодействие мужчин и женщин. Только сообща индивиды создают культурные схемы или «смыслы», влияющие на тот или иной характер их взаимодействия. Эти «смыслы» во многом предопределяются теми практиками, в условиях которых они возникают.

Одно из самых очевидных доказательств взаимосвязи гендера и политики — исключение женщин из института гражданства в ходе великих революций XVIII—XIX вв. Это политическое решение, по словам одного из теоретиков гендерной политической теории Д. Скотт, «связало гражданство с маскулинностью и ввело различие полов там, где его нет и не должно быть» [Скотт, 2001: 955]. Именно поэтому женщины «стали видимыми в своем различии в сфере политики только тогда, когда были исключены из нее» [там же]. Политика как способность самоопределения, выбора, обладания правами по традиции оставалась делом исключительно мужчин. Даже тогда, когда женщины врывались в толпы бунтующих масс, как это было во времена крупных исторических потрясений, они не выделялись в них, их требования, их лозунги были теми же, что у всей толпы. Только некоторые из них, такие, например, как француженка Олимпия де Гуж, осмеливались заговорить о правах женщин как неотъемлемой части прав человека. Их поведение объявляли девиантным, несвойственным «их полу» — «другому» полу, лишенному политических полномочий.

Однако постепенная реализация идей равенства всех людей перед законом, всеобщих прав человека и гражданина становится импульсом к изменению традиционной конструкции гендерных ролей в политике. Вместе с этим массовая мобилизация женщин в политику не как «невидимого другого», а как самостоятельного субъекта, сознательно заявляющего о своей способности быть ответственным гражданином (иными словами, о способности к эмпауэр-

менту — овладению определенными полномочиями и правами гражданина как соучастника в процессе принятия решений), превращается в знак преобразования политики масс в политику граждан. В этой политике идентификация граждан осуществляется не по признаку гендерной принадлежности, а в соответствии с этико-политическими принципами современной демократии — принципами свободы, равенства, справедливости. Тем самым за «другим» признается право на полноценное существование в массовой политике, основанной на субъектном разнообразии.

Концепт субъектного разнообразия предполагает, что политика может и должна строиться не путем исключения «другого», а, напротив, путем его включения, наделения гражданским статусом, полномочиями гражданского участия. Таким образом, ставится под сомнение сам принцип иерархического соподчинения и доминирования как единственно эффективный при отправлении властных полномочий, что, в свою очередь, расширяет поле возможностей для освоения сетевых, не-иерархических форм политической коммуникации и мобилизации.

Методы исследования и материал

Используя данную сетку анализа, я хотела бы рассмотреть вопрос о том, какой тип массовой политики поддерживается нашими соотечественниками — мужчинами и женщинами, влияет ли на их выбор гендерная принадлежность, и если влияет, то каким образом. Основным источником исследования станут материалы опросов общественного мнения, в частности опроса, проведенного Отделом социально-политических исследований под руководством С. В. Патрушева (ИС РАН) летом 2014 г., а также материалы других социологических служб.

Мне уже приходилось доказывать, что основой формирования политики граждан является стратегия эмпауэрмента (эмансипация, расширение возможностей граждан, усиление их влияния), которая возникает путем массовой мобилизации и генерирования власти снизу [Айвазова, 2014b: 75—79], в отличие от политики масс, которая предполагает массовую мобилизацию в ответ на волеизъявление сверху. Очевидно, что политика граждан невозможна в отсутствие актора, наделенного такими гражданскими качествами, как компетентность, ответственность, способность влиять на принятие решений, готовность к участию и действию (agency) в поле политики. Обладают ли такими качествами наши сограждане? В равной ли мере мужчины и женщины как большие социальные группы стремятся (или нет) оказывать давление на политическую элиту с целью обретения больших возможностей для участия в политическом процессе?

В поисках ответа, опираясь на вышеназванный опрос, попробую прояснить, каков уровень гражданской компетентности мужчин и женщин, которая, как известно, базируется на интересе к политике и осведомленности о ней [Айвазова, 2011]. Ответы на вопрос «Насколько Вы интересуетесь политикой?» показали, что среди респондентов «очень интересуются политикой» (т. е. реально интересуются ею) почти 23 % мужчин и 12 % женщин; «в некоторой степени интересуются политикой» — 43 % мужчин и 49 % женщин (сумма положительных ответов — соответственно 66 и 61 %). Остальные — 34 % мужчин и 39 % женщин — либо очень «мало интересуются политикой», либо «не интересуются ею совсем» (в данном случае в их число попадают и затруднив-

шиеся с ответом). Ощутимый гендерный разрыв в 11 п.п. заметен в первом, самом показательном варианте ответа на этот вопрос. На близкий вопрос: «Считаете ли Вы себя политически информированным человеком?» — были получены такие ответы: «Да» — 19 % мужчин и около 11 % женщин; «Скорее да» — 45 % мужчин и 39 % женщин (сумма положительных ответов — соответственно 64 и 50 %). 36 % мужчин и 50 % женщин ответили «Скорее нет» или признали себя политически «совсем не информированными». И здесь очевидны весомые гендерные разрывы.

Для данного сюжета важно обнаружить некую тенденцию в отношении наших соотечественников к политике, поэтому предлагаю обратиться к опросу общественного мнения, который был осуществлен той же командой С. В. Патрушева в 2009 г. Отвечая на аналогичный приведенному вопрос о степени их интереса к политике, 23 % мужчин и 9 % женщин заявили тогда, что они политикой «очень интересуются»; 19 % мужчин и 14 % женщин — «интересуются» ею (сумма положительных ответов — соответственно 42 и 23 %). В то же время 46 % мужчин и 58 % женщин ответили, что «скорее не интересуются»; 10 % мужчин и 16 % женщин — «совсем не интересуются» политикой (соответственно 56 и 74 %). Иными словами, более половины мужчин и три четверти женщин в 2009 г. считали политику «не интересной» для себя сферой. При этом разница положительных ответов между двумя опросами (2014—2009 гг.) у мужчин составила 24 п.п., у женщин — 38 п.п., разница отрицательных ответов у мужчин составила 20 п.п., у женщин — 24 п.п.

Налицо явный рост интереса к политике и у мужчин, и у женщин, причем у последних — в значительно большей степени. Какова же направленность этих перемен, случившихся в годы перехода от президентства Д. А. Медведева к третьему сроку президентства В. В. Путина, включающих ситуацию на Украине и связанные с ней информационные войны? В этих условиях, на мой взгляд, важно учитывать такой фактор, как источник получаемой человеком информации. При опросе в 2014 г. наши респонденты сообщили, что большая часть из них (практически в равных долях — по 38 % мужчин и женщин) получают информацию из газет. Из Интернета получают информацию около 25 % мужчин и 16 % женщин (гендерный разрыв в 9 п.п. с лидерством мужчин). Женщины, в свою очередь, чаще получают информацию от друзей, знакомых, сослуживцев — почти 31 % против 24 % мужчин; из телепередач — 11 % женщин против 8 % мужчин. Понятно, что политическая информированность у мужчин более выверена, критически заострена, чем у женщин. Оценивая в целом эту совокупность ответов, можно прийти к выводу, что женщины, несмотря на явный рост интереса к политике, остаются политически менее компетентными по сравнению с мужчинами.

Проявляются ли сходные тенденции в гендерных разрывах по вопросам осведомленности о политике? Одним из самых показательных примеров в этом плане должна быть, с моей точки зрения, интерпретация нашими респондентами важнейшего для современности концепта демократии. Вопрос «Что такое демократическое правление?» разделил их на следующие группы: ответ «Властные функции осуществляются профессионалами» выбрали около 14 % мужчин и

18 % женщин; ответ «Граждане принимают политические решения сами» — 19 % мужчин и 10 % женщин; ответ «Народ осуществляет свою власть через своих избранников» — 41 % мужчин и 40 % женщин; ответ «Власть осуществляет лидер, избранный большинством народа» — 17 % мужчин и 18 % женщин. При определенном сходстве мужских и женских представлений о демократии явно обнаруживается склонность и мужчин, и женщин скорее передавать властные полномочия своим избранникам, чем пытаться самим влиять на власть. Однако среди мужчин почти в два раза больше сторонников прямого участия и действия, чем среди женщин.

Отвечая на вопрос «Что важнее для России: развитие демократии или сильный лидер?», 41 % мужчин и 36 % женщин предпочли позицию «демократия», 44 % мужчин и 47 % женщин — «сильный лидер». Затруднились ответить 15 % мужчин и 17 % женщин. Ответы снова подтверждают сделанный ранее вывод о большей готовности женщин поддержать авторитарную власть. Вместе с тем утверждение «Решение наиболее важных для общества вопросов нельзя доверять только политикам» получило примерно равную поддержку мужчин и женщин: за него высказались примерно по 73 % тех и других. Близкое к нему утверждение «Надо чаще проводить референдумы, чтобы знать мнение людей» поддержали 67 % мужчин и 71 % женщин. С другой стороны, утверждение «Правительству следует действовать без оглядки на то, что думает большинство» одобрили только 10 % мужчин и 8 % женщин. В то же время утверждение «Попытка реализовать любые политические идеи, кроме идей власти, ведет к беспорядку» встретило понимание со стороны 24 % мужчин и 26 % женщин. Сопоставление всех этих ответов свидетельствует о неустойчивости, неоднозначности политических позиций наших сограждан — и мужчин, и женщин, при более выраженной сумятице представлений у женщин. С этой точки зрения показательно и то, как ответили респонденты на утверждение «Решить насущные проблемы россиян способен только президент». С ним согласились 18 % мужчин и 17 % женщин. Не согласились в равной мере по 70 % мужчин и женщин. Иными словами, реакция наших респондентов на эти утверждения свидетельствует об их желании быть услышанными теми, кто принимает государственные решения, и даже влиять на эти решения. Ведь и мужчины, и женщины совершенно четко осознают свою отстраненность (точнее — отчужденность) от того, что происходит в стране. Отвечая на вопрос «От кого зависели перемены в России с 2000 г.?», примерно равное число мужчин и женщин — около 70 % — выбрали ответ «От лидеров страны»; по 12 % мужчин и женщин — «От государственных чиновников». Остальные ответы оказались на уровне статистической погрешности. На какие же сферы жизни, тем не менее, хотели бы влиять наши респонденты? Их ответы выглядели следующим образом:

— *распределение бюджета* — 55 % мужчин и 52 % женщин. При этом 28 % мужчин и 32 % женщин выбрали ответ «Это — не мое дело»;

— *пенсионная политика* — 53 % мужчин и 64 % женщин. 32 % мужчин и 24 % женщин выбрали ответ «Это — не мое дело»;

— *политика в области здравоохранения* — 60 % мужчин и 71 % женщин. 27 % мужчин и 17 % женщин выбрали ответ «Это — не мое дело»;

— *политика в сфере образования* — 58 % мужчин и 65 % женщин. 29 % мужчин и 21 % женщин выбрали ответ «Это — не мое дело»;

— *культурная политика* — 51 % мужчин и 53 % женщин. 32 % мужчин и 27 % женщин выбрали ответ «Это — не мое дело»;

— *экономическая политика* — 51 % мужчин и 43 % женщин. 32 % мужчин и 37 % женщин выбрали ответ «Это — не мое дело»;

— *внешняя политика страны* — 46 % мужчин и 34 % женщин. 36 % мужчин и 47 % женщин выбрали ответ «Это — не мое дело».

Итак, значительное число респондентов — от двух третей до половины — особо волнуют такие проблемы, как пенсионная политика, здравоохранение и образование. Поэтому они, особенно женщины, хотели бы иметь влияние в этих сферах, которые непосредственно затрагивают их повседневную жизнь. Что они готовы делать для этого уже сегодня? О готовности наших респондентов к участию в местных органах власти можно судить по их ответам на следующий вопрос: «Предположим, Вы устали от проблем в Вашем микрорайоне и у вас есть свободное время. Попробуете ли Вы стать муниципальным депутатом?» Ответ «Да» выбрали около 19 % мужчин и 14 % женщин. Понятно, что наши сограждане не рвутся к ответственности на муниципальном уровне, хотя это уровень, в значительной степени определяющий условия повседневной жизни людей.

Исходя из того, что в ответах на предложенные им вопросы 66 % мужчин и 69 % женщин заявляют, что участие в политике — их право, а также что почти 25 % мужчин и 29 % женщин расценивают участие в политике вообще как обязанность гражданина, можно предположить, что наших респондентов больше привлекает партийно-политическая деятельность. Так сколько же из них лично участвуют в работе тех или иных политических объединений? Положительно ответили на этот вопрос только 16 % мужчин и около 8 % женщин. Одновременно, отвечая на вопрос «Считаете ли Вы себя политически активным человеком?», ответ «Да» выбрали 26 % мужчин и 14 % женщин (обращаю внимание и на эти существенные гендерные разрывы, которые говорят о гораздо меньшей склонности женщин к политической активности).

Известно, что наиболее распространенная и привычная форма участия наших сограждан в политике — это выборы. Примерно две трети избирателей участвуют в них практически всегда, при этом женщины отличаются большей дисциплинированностью [Айвазова, 2014а: 269]. Каковы же мотивы электоральной активности наших сограждан? Большинство респондентов — 70 % мужчин и 78 % женщин — выбрали ответ «Желание реализовать право выбора». Следующим по значимости стал ответ «Хочу влиять на политику страны». Его предпочли 67 % мужчин и 65 % женщин. О том, что они хотят своим голосованием выразить недовольство действующей властью, сообщили 55 % мужчин и 56 % женщин. Напротив, о том, что они хотят поддержать действующую власть, сообщили 34 % мужчин и 37 % женщин. Ответ «Привычка» выбрали в равной мере по 32 % мужчин и женщин*.

* Респонденты могли выбрать несколько ответов на данный вопрос.

Итак, практически две трети респондентов, судя по их ответам, хотели бы «влиять на политику страны». Но каким образом? Посмотрим на то, как распределились ответы респондентов на следующий вопрос: «Если Вы стремитесь к тому, чтобы в будущем к власти пришли политики/партии, выражающие Ваши интересы, что конкретно Вы готовы сделать уже сейчас?» Заявили о готовности:

— создавать политические партии, выражающие их интересы, 9 % мужчин и 6 % женщин;

— помогать своим партиям и политикам, работающим в представительных органах, 12 % мужчин и 7 % женщин;

— пропагандировать идеи политиков/партии среди знакомых, в Интернете 11 % мужчин и 13 % женщин;

— создавать группы сторонников в социальных сетях 4,4 % мужчин и 3,6 % женщин;

— участвовать в деятельности партии 7,3 % мужчин и 6,7 % женщин;

— участвовать в политических акциях 9,2 % мужчин и 5,6 % женщин.

Ответ «Не стремлюсь» выбрали 46 % мужчин и 58 % женщин.

В целом в этом наборе ответов 54 % мужчин и 42 % женщин заявили о своей готовности способствовать тому, чтобы в будущем к власти пришли те политики или партии, которые выражают их интересы. 46 % мужчин и 58 % женщин к этому не стремятся. Обнаруженный гендерный разрыв еще раз подтверждает, что мужчины политически существенно более активны, чем женщины. Кроме того, важно подчеркнуть, что данные о готовности респондентов к поддержке «своих» в поле политики явно не совпадают с приведенными выше данными об их реальном участии в деятельности тех или иных политических объединений.

Столь же значим для сюжета статьи и вопрос о том, как выглядит в гендерном разрезе готовность наших сограждан к массовому протесту. Здесь важны следующие ответы: более половины респондентов — 57 % мужчин и 45 % женщин — заявляют, что они «Весьма вероятно» и «Вероятно» примут участие в массовых протестных акциях, схожих с теми, что проходили в 2011—2012 гг.; ответ «Маловероятно» и «Исключено» выбирают 36 % мужчин и 42 % женщин. В то же время на вопрос «Когда в Вашем городе, районе бывают митинги, демонстрации или другие выступления граждан с политическими требованиями, Вы лично принимаете в них участие?», положительно отвечают 23 % мужчин и 16 % женщин; отрицательно — 53 % мужчин и 62 % женщин. Между желанием участвовать в массовых протестах и реальным участием в них и у мужчин, и у женщин вновь очевидно существенное несоответствие. С другой стороны, готовность поддержать политику властей на массовых митингах выразили в ответах на соответствующий вопрос по 28 % опрошенных мужчин и женщин; 51 % мужчин и 45 % женщин ответили, что не готовы.

Сведя воедино всю совокупность вышеприведенных ответов, приходится признать, что большинство респондентов не готовы проявлять активность в политике. Не случайно около 66 % мужчин и 78 % женщин отказались признать себя «политически активным человеком». Ответ «Да, считаю» выбрали в этом случае около 26 % мужчин и только 14 % женщин. Ответ подтверждает уже за-

фиксированную тенденцию к меньшей политической ангажированности женщин и их очевидно меньшую склонность к политическому действию.

Почему же наши сограждане, почти две трети которых изъявляют желание влиять на политику в стране, в основной своей массе уклоняются от действий и прямой ответственности в политической жизни, за исключением голосования на выборах? Респонденты объясняют причины своей «непричастности» таким образом:

— примерно по 22 % мужчин и женщин говорят, что им это «неинтересно»;

— около 15 % мужчин и 14 % женщин считают, что «нет реальных инструментов влияния на власть»;

— 14 % мужчин и около 18 % женщин утверждают, что «не умеют пользоваться своими политическими правами»;

— около 13 % мужчин и 8 % женщин заявляют, что «в России нет политической жизни»;

— 7 % мужчин и 11 % женщин полагают, что «власть принимает решения быстрее и эффективнее, чем граждане»;

— около 8 % мужчин и 7 % женщин «не имеют времени, заняты другими делами».

Иначе говоря, около 40 % мужчин и столько же женщин попросту исключают политику из сферы своих жизненных интересов и открыто признают этот факт. И примерно столько же ссылаются на несовершенство существующей политической системы и свое неумение пользоваться политическими правами. Одновременно при таком высоком уровне политической непричастности примерно равное число мужчин и женщин — около 60 % тех и других — основную «моральную ответственность за положение дел в стране» возлагают на «власть» и только около четверти мужчин и такое же количество женщин — на «народ».

Теперь предлагаю сопоставить ответы, полученные в ходе опроса, проведенного под руководством С. В. Патрушева летом 2014 г., с данными двух опросов, проведенных Левада-центром в январе и марте 2015 г. Первый из них касался проблем повседневной жизни россиян. Отвечая на традиционный вопрос Левада-центра «От чего зависит благополучие человека», ответ «От самого человека» выбрали 60 % опрошенных, 35 % высказались за ответ «От справедливого устройства общества». В 1991 г. последний вариант ответа выбрали 51 % респондентов, первый же — только 37 % [Мы стали больше полагаться на себя]. Казалось бы, налицо явная тенденция к росту «самостояния» наших сограждан. Однако, комментируя результаты этого опроса, глава центра Л. Гудков советует не спешить с оптимистическими выводами: «Для населения России характерен сильнейший государственный патернализм. Мы постоянно фиксируем расхождения между представлениями о том, как “должно быть устроено общество” (государство обязано обеспечить определенный уровень жизни, предоставить гарантии в сфере медицины, работы, жилья), и тем, как оно, с точки зрения граждан, устроено в действительности. 65—70 % придерживаются убеждения, что государство должно обеспечить все вышеназванное, но при этом трезво оценивают ситуацию, знают, что власть их наверняка обманет, не выполнит своих обещаний» [там же]. Показательно, что, как бы в подтверждение точки зрения

социолога, в марте 2015 г., отвечая на вопрос Левада-центра «Как должны строиться отношения между государством и гражданами», 45 % мужчин и 50 % женщин выбрали ответ «Государство должно заботиться обо всех своих гражданах». Еще на один вопрос: «На каком из следующих принципов должно быть устроено общество, в котором Вы хотели бы жить?» — были даны следующие ответы: «Власть должна заботиться о людях» — 73 % мужчин и 72 % женщин; «Люди должны иметь возможность добиваться от власти того, что им нужно» — по 25 % мужчин и женщин. Не менее показательные ответы были даны на вопрос «Как бы Вы определили свои отношения с властью?». Первый вариант ответа: «Вступая в контакт с властью, Вы добиваетесь того, что Вам нужно» — выбрали 11 % мужчин и 9 % женщин. Второй: «Ваша жизнь во всем зависит от власти» — по 25 % мужчин и женщин. Третий: «Вы живете, полагаясь только на себя и избегая вступать в контакт с властью» — 57 % мужчин и 54 % женщин. Трактую на фоне других последний вариант ответа, логично предположить, что в данном случае речь идет не столько о развитии тенденции к «самостоянию» наших сограждан в поле политики, сколько об их отчужденности от сферы властных отношений. Наконец еще один вопрос: «Готовы ли Вы лично участвовать в политике?» — привел к таким результатам. 23 % мужчин и 22 % женщин выбрали ответ «Определенно да» и «В какой-то мере да»; 70 % мужчин и 72 % женщин — «Скорее нет» и «Определенно нет» [Как должны складываться отношения...]. Отмечу, что реакция респондентов на опросы Левада-центра в марте 2015 г. выглядит более гендерно-согласованной, чем в нашем опросе 2014 г. «Сильный лидер, апеллирующий, прислушивающийся к народу» — таков на сегодня предпочтительный вариант политического режима для наших соотечественников — и женщин, и мужчин.

Результаты исследования

Анализ позиций россиян по вопросам, связанным с их политическим участием и действием, на мой взгляд, дает основание прийти к выводу о том, что они выглядят достаточно противоречивыми. А такая стратегия, как эмпауэрмент, означающая стремление граждан к расширению своего влияния на политические процессы, является в большей мере проблемой, чем признаком массовой политики в России. На эту ситуацию, разумеется, всерьез влияют гендерные разрывы во взглядах и поведении наших сограждан. Ведь женщины, позиция которых отличается большим конформизмом, меньшей политической ангажированностью, меньшей способностью к критической оценке политических явлений, составляют и большинство населения страны, и более весомую часть ее электората. Но, похоже, дело здесь не только в гендерной рассогласованности политического выбора россиян. Значимым фактором особенностей взаимодействия россиян — мужчин и женщин — с государством остается еще и их общее «не-самостояние», некая робость перед всемогуществом левиафана.

Опросы общественного мнения, и наши, и проведенные коллегами, подтверждают эвристическую значимость высказываний А. С. Ахиезера — одного из самых прозорливых отечественных культурологов, сделанных им еще на заре перестройки. Уже тогда, оценивая потенциальные возможности реформ в сфере политики, он утверждал, что реформы натолкнутся на неспособность российско-

го общества к «возвышению людей до сложности проблем, которые им придется решать», — к развитию частной инициативы, готовности брать на себя ответственные решения, к эффективным новациям в политической сфере [Ахиезер, 1997: 792—793], иными словами — к некоей смене ролей во взаимодействии граждан с государством, к их эмансипации, эмпауэрменту. Слабое влияние граждан на процессы принятия решений, по мнению политолога К. Вельцеля, обращает процессы демократизации вспять: «Демократизация маловероятна, если массы неспособны преодолеть нежелание властей наделять их правами и возможностями» [Вельцель, 2015: 160]. Политологи М. С. Фиш и Дж. Виттенберг, специально изучавшие факторы «обращения демократизации вспять», среди прочего выделяли низкий статус и уровень социального сознания женщин и особо подчеркивали: «Сокращайте неравенство между полами, даже если это требует продолжительных усилий, а в короткие сроки не станет источником чудесных изменений» [Фиш, Виттенберг, 2015: 431].

Библиографический список

- Айвазова С. Г. Гендерное гражданство, активность и изменение гендерного порядка // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / отв. ред. С. В. Патрушев. М.: РАПН: РОССПЭН, 2011. С. 231—237.
- Айвазова С. Г. Избирательный цикл 2011—2012 гг.: о чем говорят гендерные разрывы // Пути России. Новые языки социального описания: сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2014а. Т. 19. С. 266—279.
- Айвазова С. Г. Эмпауэрмент как признак и проблема современной политики // Политическая наука. 2014б. № 4. С. 75—95.
- Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта: в 2 т. Новосибирск: Новосибирский хронограф, 1997. Т. 1. 804 с.
- Вельцель К. Теории демократизации // Демократизация: учебное пособие / под ред. К. В. Харпфера, П. Бернхагена, Р. Ф. Инглхарта, К. Вельцеля. М.: Высшая школа экономики, 2015. С. 148—178.
- Как должны складываться отношения между гражданами и государством. URL: http://www.levada.ru/sites/default/files/socdem_4.pdf (дата обращения: 23.08.2015).
- Мы стали больше полагаться на себя. URL: <http://www.levada.ru/23-01-2015/my-stali-bolshe-polagatsya-na-sebya> (дата обращения: 23.08.2015).
- Скотт Дж. Некоторые размышления по поводу гендера и политики // Введение в гендерные исследования. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. Ч. 2. С. 946—962.
- Фиш М. С., Виттенберг Дж. Неудавшаяся демократизация // Демократизация: учебное пособие / под ред. К. В. Харпфера, П. Бернхагена, Р. Ф. Инглхарта, К. Вельцеля. М.: Высшая школа экономики, 2015. С. 425—444.

References

- Aivazova, S. G. (2011) Genderное grazhdanstvo, aktivnost' i izmenenie gendernogo poriadka [Gender citizenship, activity, and transformation of gender order], in: Patrushev, S. V.

- (ed.) *Grazhdane i politicheskie praktiki v sovremennoi Rossii: vosпроизводство i transformatsiia institutsional'nogo poriadka*, Moscow: RAPN, ROSSPEN, pp. 231—237.
- Aivazova, S. G. (2014a) Izbiratel'nyi tsikl 2011—2012 gg.: o chem govoriat gendernye razryvy [Electoral cycle, 2011—2012: what do gender gaps speak about], in: *Puti Rossii. Noveye iazyki sotsial'nogo opisaniia*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, vol. 19, pp. 266—279.
- Aivazova, S. G. (2014b) Empowerment kak priznak i problema sovremennoi politiki [Empowerment as marker and a problem of contemporary mass politics], *Politicheskaia nauka*, no. 4, pp. 75—95.
- Akhiezer, A. S. (1997) *Rossii: kritika istoricheskogo opyta* [Russia: critique of historical experience], Novosibirsk: Novosibirskii khronograf, vol. 1.
- Vel'tsel', K. (2015) Teorii demokratizatsii [Theories of democratization], in: Harpfer, K. V., Bernkhagen, P., Inghart, R. F., Vel'tsel', K. (eds), *Demokratizatsiia*, Moscow: Vysshiaia shkola ekonomiki, pp. 148—178.
- Skott, Dzh. (2001) Nekotorye razmyshleniia po povodu gendera i politiki [Some considerations on gender and politics], in: *Vvedenie v gendernye issledovaniia* [Introduction to gender studies], Khar'kov: KHTSGI, St. Petersburg: Aleteia, part 2, pp. 405—436.
- Fish, M. S., Vittenberg, Dzh. (2015) Neudavshaiasia demokratizatsiia [Failed democratization], in: Harpfer, K. V., Bernkhagen, P., Inghart, R. F., Vel'tsel', K. (eds), *Demokratizatsiia*, Moscow: Vysshiaia shkola ekonomiki, pp. 425—444.

Статья поступила 24.11.2015 г.